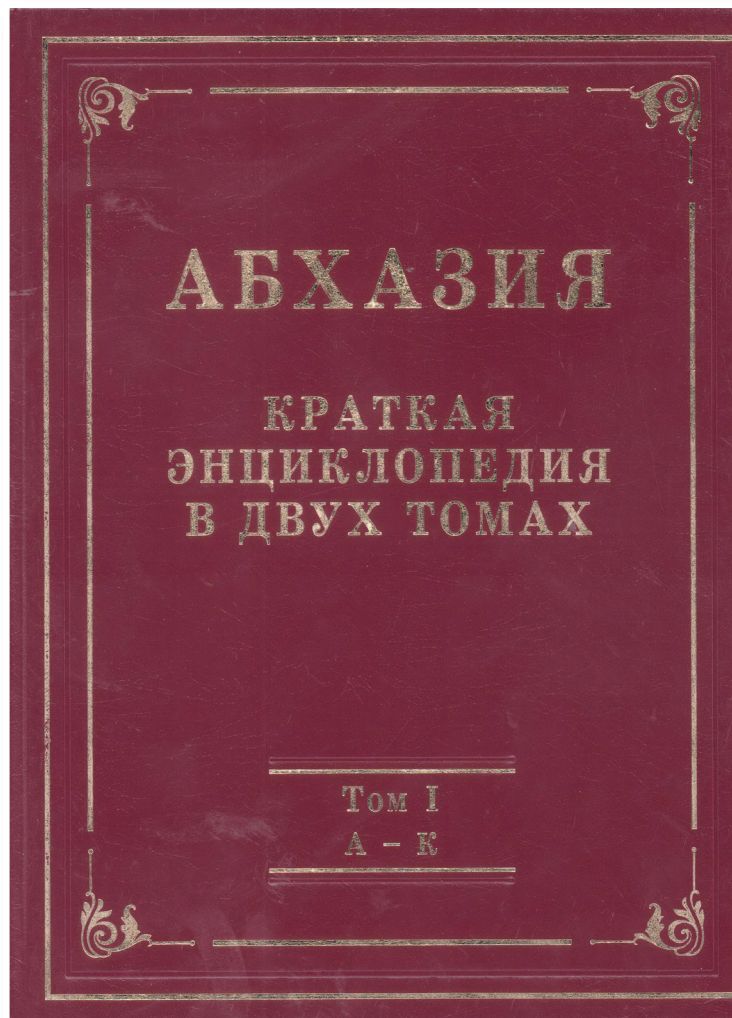

Уважаемые читатели! Недавно вышла в свет первая краткая энциклопедия Абхазии.

Предлагаем вам подборку статей из нее.

Продолжение
ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ — датируемый в рамках 800–500 гг. до н.э. (архаический период) процесс выведения колоний (апоикий) и расселения греков на терр. Средиземноморья и прилегающих терр., осуществляемый независимыми городами-государствами (полисами). В результате, по словам Сократа, «...мы (т.е. греки), обитающие от Фасиса до Геракловых Столпов (т.е. Гибралтара), занимаем лишь малую ее (земли) частицу; мы теснимся вокруг нашего моря, словно муравьи или лягушки вокруг болота...». Великой Г.к. предшествовала микенская колонизация берегов Малой Азии, Сицилии и др. регионов, а затем заселение греками Ионии в сер. 11 — кон. 9 в. до н.э. Кроме того, греки использовали опыт финикийской колонизации, а нередко и взаимодействовали с финикийцами. Г.к. Востока после похода Александра Македонского была исторически совершенно иным явлением. Уже у Гомера (8 в. до н.э.) в «Одиссее» можно найти описание идеальной местности для выведения колонии и деятельности основателя колонии — ойкиста: «поселил их в Схерии, тучной земле, далеко от людей промышленных. Там он их город стенами обвел, им построил жилища, храмы богам их воздвиг, разделил их поля на участки». У Геродота (около 490–480 — около 425 гг. до н.э.) мы видим описание колонизационной деятельности фокейцев (Фокеев — один из ионийских городов на побережье совр. Малой Азии): «Жители этой Фокеи первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсеию, Иберию и Тартесс (терр. совр. Испании). Они плавали не на «круглых» торговых кораблях, а на 50-весельных судах. В Тартессе они вступили в дружбу с царем той страны по имени Арганфоний... Этот человек был так расположен к фокейцам,

что сначала даже предложил им покинуть Ионию и поселиться в его стране, где им будет угодно. ... Когда Гарпаг (персидский военачальник) отвел войско от города, фокейцы спустили на воду свои 50-весельные корабли, погрузили на них жен и детей и все пожитки, а также изображения богов и пр. почитательные дары из храмов, кроме мраморных и медных статуй и картин. Погрузив затем и все остальное имущество, они взойшли сами на борт и отплыли по направлению на Хиос. Фокею же, оставленную жителями, заняли персы». Далее в этой же части своего труда Геродот рассказывает о дальнейших путешествиях фокейцев. Иные причины Геродот называет для колонизационной деятельности лакедемонян (жителей Спарты) во главе с Дориеем: «когда лакедемоняне по закону как старшего возвели на престол Клеомена, Дорией разгневался и не захотел признать царем Клеомена. Он попросил спартанцев себе людей в спутники и выселился на чужбину, даже не спросив дельфийского оракула, в какой земле ему следует поселиться, и не выполнив никаких обычаев, установленных в таких случаях. В гневе он отплыл в Ливию, а путь ему указывали жители Феры. Прибыв в Ливию, Дорией основал поселение в прекрасной местности на реке Кинипе». Описание практики основания колоний и взаимоотношений между колонией и метрополией можно найти у Фукидида (460–396 гг. до н.э.): «Есть в Ионийском заливе на правой стороне от входа в него город Эпидамн. ... Город основали керкиряне (жители совр. о-ва Корфу), вождем же колонии был сын Эратоклида Фалий (627 г.), по происхождению коринфянин, из потомков Геракла, согласно древнему обычаю приглашенный из метрополии. В числе колонистов были также нек-рые коринфяне и остальные доряне. С течением времени эпидамняне усилились, и город стал многолюдным. ... Оставшиеся в городе эпидамняне, находясь в угнетенном положении, отправляли послов в Керкиру, как свою метрополию, с просьбою не оставить их

ГРЕЧЕСКИЙ СУХУМСКИЙ

ВЪСТНИКЪ

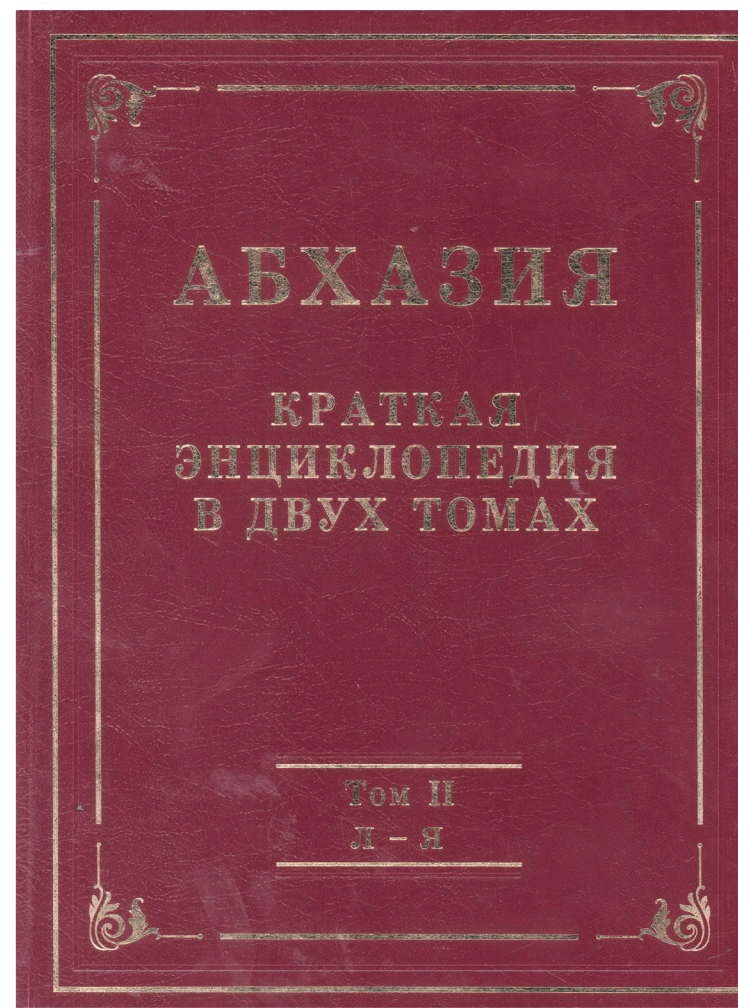
#233

Ведущий рубрики: Георгиос Григориадис
исследователь-сухумовед,
e-mail: elsuhum@yahoo.com

без внимания в их бедственном положении, примирить с изгнанниками и положить конец войне с варварами. Вот о чем просили послы, расположившись в качестве умоляющих в храме Геры. Однако керкиряне не вняли их мольбам, но отпустили послов ни с чем. Узнав, что от Керкиры не будет им никакой защиты, эпидамняне были в затруднении, как им уладить создавшееся положение. Поэтому они отправили в Дельфы послов спросить бога: не передать ли им свой город коринфянам как основателям колонии и не попытаться ли получить от них какую-нибудь защиту. Бог дал послам ответ: передать город коринфянам и признать их главенство. Согласно прорицанию эпидамняне явились в Коринф, передали колонию коринфянам, причем указывали, что основателем колонии был коринфянин, и сообщили изречение оракула.

Они просили не допускать их до гибели, но защитить их. Коринфяне, по долгу справедливости, согласились подать помощь, считая, что Эпидамн столько же их колония, сколько и керкирян, а также вследствие ненависти к керкирянам за то, что те относились к ним пренебрежительно, хотя и были их колонистами. Так, керкиряне не посылали на Коринф на общие всенародные празднества установленных обычаем жертв, не предоставляли коринфянину первенствующей роли при жертвоприношениях, как поступали прочие колонии, и вообще относились к коринфянам презрительно. По своему материальному положению керкиряне были равны богатейшим эллинам того времени, в боевой подготовленности были могущественнее их. ... Когда посланные из Эпидамна явились в Коринф с известием об осаде, коринфяне стали снаряжать войско и вместе с тем через глашатаев предлагали всем желающим отправляться в Эпидамн на жительство на равных и одинаковых условиях с прежними жителями и новыми колонистами; если же кто не решается отплыть тотчас, но желает все-таки участвовать в колонии, тому предлагалось оставаться в Коринфе со внесением пятидесяти коринфских драхм в качестве залога. Готовых отплыть и вносивших деньги нашлось много». Благодаря этим и др. текстам можно в общих чертах реконструировать не только историю Великой Г.к., но и ее особенности и ход. Наиболее важными являются след. вопросы: причины колонизации (т.е. почему сотни греков из обустроенных городов своей родины уплывали в малоизвестные и опасные земли); наличие доколониационного периода в отношении между греч. миром и нас. колонизируемого в дальнейшем региона; орг-ция колонизации и роль основателя колонии — ойкиста; взаимоотношения колонистов с местным нас.; взаимоотношения между колонией и метрополией; взаимоотношения между несколькими соседними колониями. Из многочисленных древнегреческих рассказов об основании

городов (особый жанр — ктисис) до нас дошли лишь незначительные фрагменты. Нек-рые авторы указывают точные даты основания ряда колоний, но иногда они противоречат друг другу (часто даты вычислялись путем подсчета поколений) и иным источникам. Одними из важнейших регионов колонизации стали Сицилия, Южная Италия, Западное Средиземноморье, берега Адриатического и Черного морей, Северной Африки, Малой Азии. Причины вывода колоний могли быть различными — недостаток земельных площадей в городе-метрополии, подвергавшейся, в ряде случаев (к примеру, Милет), терр. давлению со стороны могущественных соседей (в случае Ионии — со стороны Лидии, а затем Персии), недостаток сельскохозяйственных земель в метрополии в связи с перенаселением (к примеру, Мегара) или сосредоточением значительной части земли в руках нескольких аристократических родов (Коринф), внутр. противоречия в метрополии и стремление победившей стороны избавиться от своих противников (внеш. давление и экон. проблемы неизбежно вели к внутр. конфликту), желание получить контроль над рудными месторождениями и связанными с ними коммуникациями, наличие в р-не выводимой колонии удобного порта и плодородных земель (или хотя бы чего-то одного из них). Традиционно доминировали две теории колонизации — аграрная (вывод колонии из-за переизбытка нас. в поисках новых сельскохозяйственных ресурсов) и торговая (закрепление на лучших гаванях с целью контроля над торговыми путями и торговли с местным нас. по модели: вино, оливковое масло и пред-

меты роскоши в обмен на зерно и руды). Существуют еще «политическая» и «климатическая» теории колонизации в разл. модификациях. Возможно, развитие торговли было не причиной колонизации, а ее следствием, а целью выведения колонии было решение внутр. проблем метрополии за счет уменьшения числа ее граждан.

Торговую функцию вполне могли реализовывать эмпории, и нек-рые исследователи считают его первоначальной моделью любого колонизационного поселения. Для эмпория, как правило, была характерна этнич. разнородность нас. По мнению В.Д. Кузнецова (применительно к Боспору), все выведенные апоики уже изначально имели статус полиса. Ранее В.Д. Блаватский считал, что на Боспор сначала были выведены торговые фактории (эмпории), и лишь спустя нек-рое время они превращаются в города.

Кроме причин колонизации, не вполне ясным остаются и ее механизмы, т.е. почему именно Эвбея, Мегарида, отсталая по греч. меркам Ахайя, Коринф и Иония стали ее основными субъектами. Почему очень поздно и лишь в незначительной степени в колонизационное движение включились столь знаменитые Афины. Это объясняют исчерпанием миграционного потенциала Аттики в 11 в. до н.э., когда именно отсюда вышли колонисты, осваивавшие Кикладские о-ва и часть малоазийской Ионии. Соответственно, те регионы, к-рые приняли активное участие в колонизации 8–6 вв. до н.э., не участвовали в переселении в Малую Азию в 11 в. до н.э., и у них образовался избыток нас. С др. стороны, по мнению Г.А. Кошеленко и В.Д. Кузнецова, в колонизационном

процессе приняли активное участие наиболее экон. развитые греч. государства, при этом сначала они пытались решить свои проблемы (нехватка земли, перенаселение) др. путями, развивая ремесло и торговлю или захватывая чужие земли. Неясно только, как быть в этой связи с активным участием в колонизации сравнительно отсталой Ахайи. Условно выделяется несколько моделей колонизации. В первую очередь, это «ионийская» и «дорийская» модели (А.Н. Щеглов). «Ионийская» модель более гибкая, открытая, готовая к компромиссам. «Дорийская» модель жесткая, архаичная, склонная к силовому решению конфликтов. М.А. Колесников различает общее «ионийско-дорийское» поведение и «эолийское» поведение, «которое отличалось в среднем большей толерантностью и мягкостью форм». По мнению М.А. Колесникова, для «аттическо-ионийской» (ионийцы из Аттики) модели было характерно «преобладание грубых силовых приемов», «тактика сгона с земли местного варварского населения, ограбления местных жителей и насильственной экспроприации их женщин». Еще одной формой ионийской (милетской) колонизации было достижение соглашения с местными правителями о выделении колонистам терр. в обмен на действие греков в воен. или торговых вопросах (Кизик, Абидос). Но доминировал в ионийской модели торговый характер колонизации. Эолийцы из Беотии, Локриды и Фессалии при колонизации искали компромиссы, вели себя миролюбиво, ориентировались на «модель мирного греко-варварского симбиоза» (М.А. Колесников). Коринфская модель колонизации предполагала попытку установить режим жесткого управления своими колониями, что нередко приводило к конфликтам. Ахейская модель отличалась стремлением основывать свои колонии на незанятых терр., не вступая в конфликт с местным нас., но выведенные колонии нередко вступали в конфронтацию друг с другом. Особенности мегарской модели колонизации считаются свободное перемещение групп населения из колонии в колонию, когда метрополия выступает в роли координирующего центра, конфронтационные отношения с местным нас. и настойчивое внедрение в явно негостеприимные и враждебные р-ны, что в дальнейшем ведет к эксплуатации «туземцев» в той или иной форме. Фокейская модель колонизации предполагала, на первом этапе, альянс с местной племенной верхушкой, но за этим следовали ухудшение отношений и конфронтация, причем, в условиях Зап. Средиземноморья, со всеми имеющимися соседями (Карфаген, этруски, греч. полисы). Эвбейская модель отличалась рискованностью колонизационных предприятий и гибкостью колонистов, способных приспособляться к разл. условиям. Аргосско-родосская модель колонизации на первом этапе предполагала бесконфликтное сосуществование с местным нас., но затем оно уничтожалось или сгонялось со своей терр. Решение о выведении колонии обычно было публичным мероприятием метрополии, но могло являться и частной инициативой. Если это было решением метрополии — принимался гос. акт, «декрет основателей», в к-ром кроме самого постановления о выведении колонии прописывались выбор ойкиста (т.е. основателя), решение о на-

боре колонистов в принудительном порядке («плыть на равных и одинаковых правах от каждого домохозяства, выбирать же по одному сыну», «а кто не пожелает плыть, когда посылает город, тот подвергается смертной казни, и имущество его должно быть конфисковано») или из числа добровольцев, статус колонии и условия взаимоотношений между ней и метрополией (к примеру, взаимное гражданство). Одним из самых известных док. такого рода является «Стела основателей» из Кирены (к-рую мы и цитируем). Отправляющиеся в плавание колонисты давали торжественную клятву, клятву могли давать и те, кто оставался в метрополии («На этих условиях принесли клятвы и остающиеся дома, и отплывающие, чтобы основать колонию, и прокляли тех, кто эти условия нарушает и не соблюдает, будь то люди из числа живущих в Ливии или остающихся дома»). Как упоминал Фукидид («город основали керкиряне, основателем же колонии был Фалий, сын Эратоклида, из рода Гераклидов, коринфянин, которого, по старинному обычаю, призвали из метрополии»), по древнему обычаю колония, выведившая дочернюю колонию, приглашала ойкиста из своей метрополии. Ойкистами иногда были изгнанники (полит. беженцы) или даже осужденные за преступления (непреднамеренное убийство). Впоследствии нередко возникал культ ойкиста. Впрочем, могли возникать и иные культовые практики. По словам историка Филостефана, при основании города Фаселида ойкист «Лакий ... купил ту землю, на которой ныне стоит город, у некоего Калабра, заплатив ему соленой рыбой, — именно ее тот выбрал из всего предложенного. Поэтому фаселидяне каждый год приносят в жертву герою Калабру соленую рыбу». Непременным условием считалось получение предварительного божественного одобрения выведением колонии. Для этого обязательным было обращение к оракулу Аполлона в Дельфах. При этом ионийцы могли обращаться к оракулу Аполлона в Дидимах. Впрочем, нередко божественное одобрение запрашивалось для уже принятого решения. Неудачу предприятия можно было объяснить неверной интерпретацией слов оракула. Кроме того, перед началом предприятия совершались жертвоприношения для получения предзнаменования от богов. При основании колонии метрополия нередко привлекала др. полисы, приглашая переселенцев из них принять участие в экспедиции. Выведенная апойкия, как правило, становилась полностью независимой от своей метрополии, хотя и сохраняла с ней взаимовыгодные связи. Поэтому, как уже отмечалось в лит., было бы более оправданно говорить не о «колонизации», а об «эмиграции». Число первых колонистов, в известных случаях, составляло всего от 200 до 1000 чел. За исключением, вероятно, жриц, констатент первопоселенцев составляли мужчины (кроме нескольких экстраординарных случаев, когда переселялось все нас. города), поэтому в жены колонисты брали местных женщин, смешанные и межэтнические браки широко практиковались. В более ранний период, при колонизации Милета, как сообщает Геродот, ионийцы «не привели с собой на новую родину женщин, но женились на кариянках, родителей которых они умертвили». Ойкист выбирал подходящее место для нового города,

давал ему имя, осуществлял раздел земли между колонистами. Часть земли могли оставлять нераспределенной, что позволяло принимать новые партии колонистов. Размещение ряда апойкий (в т.ч., наиболее ранних) на о-вах (Питекуссы), п-вах (Березань-Борисфен) или на хорошо защищенных местах диктовался соображениями безопасности и свидетельствует о наличии некой угрозы со стороны местного нас. По одному из мнений, основанный рядом колоний (Метапонт и др.) предшествовало поселение греков небольшими группами среди местного нас. Коллектив первопоселенцев-апойков и их прямых потомков последовательно трансформировался в землевладельческую аристократию. К примеру, в Аполлонии Иллирийской и на Фере, по словам Аристотеля, «почетными правами пользовались те, кто отличался своим благородным происхождением и был потомком первых поселенцев в этих государствах; они, понятно, составляли меньшинство среди массы населения». Параллельно этому процессу полит. строй апойкий эволюционировал в направлении олигархии, в нек-рых случаях и далее — в сторону тирании. Великая Г.к., имея некоторые общие черты, предполагала существование нескольких моделей и в каждом конкретном случае и регионе могла иметь свои особенности. Начало колонизации Кавказского побережья Черного моря относится к рубежу 7–6 вв. до н.э. по находкам ионийской керамики в Батумской крепости, в Пичвнари и на поселении Красный Маяк (совр. г. Сухум, находки не опубликованы). Нек-рые сомнения в оправданности этих датировок высказал О.Д. Лордкипанидзе, но упомянул еще несколько находок античной керамики кон. 7 — перв. пол. 6 в. до н.э. — городище Вани и поселение Симмаге в районе г. Поти. Античная керамика рубежа 7–6 — перв. пол. 6 в. до н.э. обнаружена в последние десятилетия на Эшерском городище, на поселении на Холме Верещагина (с. Нижняя Эшера), на городище в устье р. Кодор (А.Б. Белинский и др.). Т.о., ионийский этап в колонизации Вост. Причерноморья относят к перв. пол. 6 в. до н.э. Напротив, Г.Р. Цецхладзе, отмечая малочисленность ранней керамики, датировал начало милетской колонизации в этом регионе сер. 6 в. до н.э., а конец — около 520 до н.э. Парадоксально, что О.Д. Лордкипанидзе предполагал проникновение в этот регион ионийской керамики 6 в. до н.э. из Азиатского Босфора. Следуя с юга на север, обозначим основные раннеантичные поселенческие памятники региона. Апсар (Апсарос, Аписирт, совр. поселок Гонис) связан с мифом об аргонавтах, но упоминается только в источниках рим. времени. При раскопках встречены матер. эллинистической эпохи, но городские слои раннего времени не выявлены. На месте Батумской крепости находилось, очевидно, греч. поселение Батза или Батис. У с. Цихисдзири (визант. Петра) известны греч. поселение и могильник (с погребениями как греков, так и представителей местного нас.), матер. погребений не опубликованы.

Назв. этого пункта нам известно, вероятно, здесь находился эмпорий, основанный ионийцами не позднее сер. 6 в. до н.э. В с. Пичвнари обнаружено крупное поселение (попытки выделить на нем «акрополь» были справедливо

поставлены под сомнение Г.Р. Цецхладзе) с античным матер. (начиная с 6 в. до н.э.) и, вероятно, смешанным нас. Опять же, как справедливо отмечает Г.Р. Цецхладзе, «не исключено, конечно, что в Пичвнари существовал отдельный квартал греков, но археологически это пока не прослеживается. ... Было ли оно (греч. поселение) отделено от колхского поселения или города, являлось ли кварталом в его составе, сегодня не известно». Здесь же много лет исследуются «колхский» 5 в. до н.э. и греч. 5–4 вв. до н.э. могильники, а также могильник «эллинизированного местного населения» 4–3 вв. до н.э. (А.Ю. Кахидзе, М. Викерс), самые ранние греч. погребения датированы 470–460 гг. до н.э., керамика имеет аттическое происхождение (ее кол-во резко увеличивается во втор. пол. 5 в. до н.э.), т.е. поселение, вероятно, было основано афинянами. В 340–330-х гг. до н.э. поселение постепенно угасает. Здесь, вероятно, можно видеть уже не эмпорий, а апойкию, но ее назв. нам неизвестно. В устье р. Риони (совр. г. Поти) находился важнейший античный полис Колхиды — Фасис, но его археологические остатки до сих пор не найдены, а время основания (не ранее рубежа 7–6 вв. и не позже нач. 5 в. до н.э.) неизвестно. Предположение о существовании на месте совр. Анакии (устье р. Ингур) древней Гераклеи (одной из нескольких Гераклей на Понте) вполне вероятно, но требует дальнейшей проработки. К сожалению, читаемые на космоснимках остатки древнего поселения на правом берегу р. Ингур были, видимо, уничтожены при недавнем масштабном строительстве. Время основания древнего Сиганея (Зиганис, совр. с. Гудаа) неизвестно, сам памятник почти не изучен и сохранился лишь частично. Античный Гиенос (устье р. Джыкумыр, окрестности совр. г. Очамчыра) неоднократно подвергался археологическому исследованию, хотя большая часть античного и визант. города безвозвратно уничтожена. Полис, по имеющимся археологическим данным, возник в нач. — перв. пол. 6 в. до н.э. Терр. от левого бережья р. Кодор (с. Адзюбжа) до с. Гуандра, включая Эшерское городище, входила в состав хоры древней Диоскурии (Диоскуриады), второго по значению города Колхиды. Городские слои древней Диоскурии, если считать, что она находилась на месте позднейшего Себастополиса и совр. Сухума, пока не обнаружены. На терр. Хоры Диоскурии, как справедливо отмечает ряд исследователей (Ю.Н. Воронов, Г.Р. Цецхладзе), в 4–3 вв. до н.э. кол-во поселений, имеющих вполне местный облик, по меньшей мере, удваивается. По подсчетам Г.Р. Цецхладзе, в погребениях рядового нас. 5–2 вв. до н.э. в р-не Сухума процент импортной керамики выше, чем в могильниках др. р-нов Колхиды. В данном случае можно наблюдать один из двух типов хоры полиса — не терр., заселенную его гражданами греками, а земли, занятые местным или смешанным нас., входящим в экон., культурную и, видимо, полит. орбиту полиса. Вполне очевидно, что характер хоры Диоскурии отличался от хоры Ольвии или Херсонеса. Обращает на себя внимание сильная насыщенность оружием (и не только престижным, таким как шлемы, поножикнемиды и щит) погребений раннеантичного и эллинистического времени в районе совр. Сухума (могильники Красный Маяк, Гуадиху, Сух. гора, Ахул-абаа).

И это при том, что, к примеру, в погребениях Пичвнари оружие практически отсутствует. Как отмечал Г.Р. Цецхладзе (1997), «обилие оружия в погребениях встречается только в этом районе Колхиды и должно указывать на немирные отношения греков и местного населения...». Очевидно, греч. колонисты и проживавшее вместе с ними коренное нас. ощущали постоянную воен. угрозу, видимо, со стороны союзов племен, занимавших большую часть совр. Абхазии. Это не препятствовало взаимным контактам, о чем, к примеру, свидетельствует обнаружение значительных серий античной керамики в горной части Абхазии (могильники Шубара и Джантух). Но, и это показательно, торговые пути для греч. торговцев из Диоскурии и Гиеноса через перевалы Большого Кавказа в этот период были закрыты. В 4–3 вв. до н.э. античный импорт поступал на Сев. Кавказ (Ставропольская возвышенность) не с терр. совр. Абхазии, а из Прикубанья и Ниж. Подонья. Показательно также, что на терр. совр. Абхазии выделяется, по погребальным памятникам, несколько локальных центров. Обнаруженные погребения принадлежат представителям местной знати, но, как правило, содержат античный импорт, представленный престижными категориями инвентаря. Это пос. Баглан (Балан) в р-не совр. Адзюбжи, холм Ахул-Абаа и прилегающий р-он, терр. совр. Сухума, Эшерское городище и Холм Верещагина, район совр. Гудауты (с. Ачандара и с. Абархук). Вероятно, эти прослеживаемые скопления престижных объектов маркируют центры (поселения, усадьбы) местной эллинизирующей элиты, ориентированной на античные центры, в первую очередь, на Диоскурию. Страбон упоминает «Великий Питиунт» со ссылкой на Артемидора Эфесского (рубеж 2–1 вв. до н.э.), но при раскопках Пицунд. городища не обнаружено слоев ранее 2 в. н.э., лишь отд. находки относятся ко 2–1 вв. до н.э. Это побудило М.Ф. Выходского выдвинуть версию о том, что «в Питиунте, как в Фасисе, и особенно в Диоскуриаде, рим. крепость и возникший вокруг нее город располагался в стороне от греч. города, фактически на пустом месте, поэтому остатки греч. Питиунта еще просто не найдены». Существует не подтвержденная археологическими находками версия (Л.Г. Хрушкова) о нахождении греч. Питиунта на о-вах дельты р. Бзып и к востоку от ее устья. Далее по берегу моря отмечается поселение Нитика (Стеннитика, Триглит), вероятно, на месте совр. Гаргинской крепости. Памятник практически не изучен, видимые строительные остатки и обнаруженные погребения относятся к позднеантичному времени. На совр. уровне знаний считать Гагру (Триглит), Питиунт (Питиус), Новый Афон и Эшеру субколониями Диоскурии нет никаких оснований. До 560 до н.э. Милет, возможно, по соглашению с мегарцами, полностью контролировал Черное море, а затем он почти прекращает выведение колоний в этот регион. Как считается, выведение колоний было полностью прекращено Милетом в 520-е гг. в связи с захватом персами проливов у Геллеспонта, скифским походом Дария и тиранией Гестиея в самом Милете, но, возможно, часть милетян «эмигрировала» из своего города и в нач. 5 в. до н.э., после подавления персами Ионийского восстания.

Продолжение следует